

Институт российской истории
Российской академии наук

**ВКЛАД УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ
В СОХРАНЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
О ВОЙНЕ**

На материалах Комиссии
по истории Великой Отечественной войны АН СССР,
1941—1945 гг.

Центр гуманитарных инициатив
Москва—Санкт-Петербург
2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
В56

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 14-31-12065

Отв. редактор С.В. Журавлев

Авторы текста и комментариев:

А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов,
Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов

В56 Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941—1945 гг. / А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлев; Институт российской истории РАН. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. — 383, [1] с.

ISBN 978-5-98712-530-4

Данная книга — первое в историографии исследование о вкладе ученых-историков и других гуманитариев в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. Причем не в мирное время, а непосредственно в ходе войны и по горячим следам боевых действий. В центре внимания — история создания, основные направления и результаты деятельности, руководимой известным историком И.И. Минцем Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР в 1941—1945 гг. Собранные ее сотрудниками документы, включая уникальный комплекс стенограмм бесед и интервью военных лет, долгое время оставались не востребованными. Одна из главных задач книги — дать представление об информационном богатстве этих источников и продемонстрировать их возможности для выяснения спорных моментов и развенчания современных мифов о войне.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-98712-530-4

© Коллектив авторов, 2015
© Институт российской истории РАН, 2015
© Центр гуманитарных инициатив, 2015

История 5

«...Его везде и всюду можно было видеть сияющим»:

стенограмма воспоминаний полковника Ф.Е. Двойнова о кавалеристе генерале Л.М. Доваторе

Генерал Лев Михайлович Доватор (1903—1941) — личность легендарная. В самый трудный начальный период войны неожиданные рейды кавалеристов по тылам врага сеяли панику среди фашистов, отрезали передовые части врага, рвавшегося к Москве, от снабжения боеприпасами и др. Это позволяло выиграть время, подтянуть резервы и одновременно развеять миф о «непобедимости» немецкой военной машины¹.

К началу Великой Отечественной войны Лев Доватор был уже опытным командиром. Он родился в 1903 г. в крестьянской семье в селе Хотино Витебской губернии. О его родителях мало что известно. В анкетах в графе о национальности он писал «белорус». В Российской империи территория Витебской губернии входила в черту оседлости для еврейского населения. Это обстоятельство, а также нерусские имя и фамилия Льва Доватора давали основание для того, чтобы после присвоения ему посмертно в декабре 1941 г. звания Героя Советского Союза им гордились сразу несколько народов СССР.

На вопросы сослуживцев о национальности сам Доватор предпочитал отшучиваться. По словам полковника Ф.Е. Двойнова, специально остановившегося в своем интервью на данной теме, «Доватор говорил, что предки его были французами, которые остались после отечественной войны 1812 года в Белоруссии. Он себя считал белорусом французского происхождения, как он выражался. Французского языка он не знал. Евреем он никак не мог быть, ничего в нем похожего даже не было».

В 1921 г. Доватор окончил среднюю школу и в 1923 г. — годичную партшколу. Военная карьера его началась в начале 1920-х годов. В РККА он вступил в сентябре 1924 г., сразу получив нашивки младшего командира. В 1926—1929 гг. Доватор обучался в Борисоглебско-Ленинградской кавалерийской школе комсостава РККА. Во время учебы в 1928 г. вступил в партию. После окончания кавалерийской школы был направлен для прохождения службы в 27-й кавполк на должность командира взвода. В 1931 г. его часть была переброшена в Забайкалье, на границу с Монголией. Там и состоялось

¹ Вешиков П.И. Доблестный сын Отечества // Военно-исторический журнал. 2011. № 12. С. 33—34.

знакомство Доватора с автором публикуемого ниже интервью полковником Двойновым. «В близких отношениях с ним тогда я не был», — рассказывает Двойнов о забайкальском периоде службы. Вторично судьба свела их уже во время Великой Отечественной войны, когда они на сей раз близко сошлись.

В 1936 г. капитан Доватор как один из лучших офицеров части был направлен в Москву — на учебу в Военную академию им. Фрунзе. Во время учебы последовала полугодовая секретная «стажировка» в объятной гражданской войной Испании². Доватор находился там в группе «товарища Альфреда» (Станислава Алексеевича Ваупшасова) — военного советника при командующем 14-м Партизанским корпусом республиканских войск. Группа Ваупшасова участвовала в боях, а также учила добровольцев интербригад военной тактике, подрывному и диверсионному делу.

Уже после возвращения в СССР в 1938 г. Доватор участвовал в съемках знаменитого фильма С. Эйзенштейна «Александр Невский» (1938). Он командовал конной бригадой, консультировал съемочную группу и готовил войска к батальным сценам. До сих пор существует расхожая легенда, что Доватор дублировал самого Николая Черкасова, сыгравшего Невского. Это, однако, маловероятно, поскольку Доватор был ростом ниже Черкасова. К тому же известен настоящий дублер — старший лейтенант, кавалерист Николай Иванович Бучилев³.

В январе 1939 г., по окончании академии, Доватор был назначен начальником штаба кавалерийского полка, в ноябре — начальником штаба 1-й отдельной особой кавалерийской бригады Московского военного округа. С марта 1941 г. он начальник штаба 36-й кавалерийской дивизии Белорусского военного округа⁴.

В первые дни войны Доватор, который находился на лечении в московском госпитале, выехал на фронт. Однако его дивизия оказалась в окружении, и Доватор получил новое назначение. В июле 1941 г. за отличие в оборонительных боях на Соловьевской переправе через Днепр он был представлен к ордену Боевого Красного Знамени. В представлении сообщалось: «В период боев с германским фашизмом с 11 июля полковник Доватор выполнял ответственные задачи Главнокомандующего по передаче оперативного приказа соединениям, а также по доставке боеприпасов на передовые линии. 16 июля, выполняя приказ Главнокомандующего, обнаружил мотомех-отряд противника,двигающийся к Красному (Смол[енская] обл[ась]). Полковник Доватор организовал разрозненные части и с ними ударил по врагу и выбил его из Красного»⁵.

С 14 августа по 2 сентября 1941 г. кавалеристская группа Доватора совершила рейд во вражеский тыл, углубившись в него на 100 километров. Было уничтожено 2500 солдат и офицеров, 9 танков и 200 машин. После этого группа

² Об этом см.: *Осокин А., Корняков А.* Неизвестный генерал Доватор // Московский комсомолец. 2013, 20 февраля // <http://www.mk.ru/social/article/2013/02/19/814813-neizvestnyiy-general-dovator.html>.

³ *Чанышев И.* Александр Невский № 4, или закрытие одного «открытия» // Экран. 1994. № 8. С. 44–45.

⁴ Великая Отечественная: Комкоры. Военный биографический словарь / Под общей редакцией М.Г. Вожакина. М.; Жуковский: Кучково поле, 2006. Т. 2. С. 56–57. См. также: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1047.

⁵ <http://podvignaroda.mil.ru/?#id=2007867&tab=navDetailManAward> (дата обращения — 28.08.2015).

была переименована в 3-й кавалерийский корпус, а Доватор получил звание генерал-майора. В сентябре-октябре доваторцы участвовали в оборонительных боях на реке Меже и реке Лама. За удачно проведенные операции 3 ноября Доватор был награжден орденом Ленина⁶. В ноябре в составе 16-й армии под командованием К.К. Рокоссовского корпус принимал активное участие в боях под Москвой. 26 ноября был переименован во 2-й гвардейский корпус. 11 декабря 1941 г. начался новый рейд, во время которого доваторцы преследовали отступающего противника. В морозный день 19 декабря 1941 г. Доватор погиб в окрестностях деревни Палашкино Рузского района Подмосковья⁷.

Образ Доватора, представленный полковником Двойновым в интервью, лишен парадности. В стенограмме характеризуются его командирские и человеческие качества, описываются обстоятельства гибели Доватора.

Смерть легендарного кавалериста до сих пор остается предметом дискуссий. По словам его дочери Риты Львовны Доватор, «версий обстоятельств гибели отца от неожиданной, буквально расстрельной пулеметной очереди почти столько, сколько рассказчиков о ней. Самое странное, что не было очевидцев — они были убиты вместе с ним»⁸. В воспоминаниях полковника Двойнова, компетентность и информированность которого не вызывают сомнений, мы находим немало важных подробностей гибели генерала. Очевидно, что Доватор был убит немцами из засады во время осмотра им и несколькими его приближенными боевых позиций. Это произошло после высказанного Г.К. Жуковым неудовольствия тем, что коннице Доватора не удалось прорвать оборону противника для очередного сокрушительного рейда по его тылам.

Дело в том, что в период наступления немецких войск, когда сплошного фронта зачастую не было и передовые части врага отрывались от подразделений обеспечения, советская конница без проблем заходила к ним в тыл. Иная ситуация сложилась после того, как немцы, отступая с боями от Москвы, стремились закрепиться и создать единую линию обороны. Кроме того, они уже были научены горьким опытом. Найти брешь для прорыва целого конного корпуса было непросто, и несколько предыдущих попыток закончились неудачно. Доватор понимал, что тактику нужно менять. Критика командующего фронтом Г.К. Жукова задела его самолюбие, он утратил должную бдительность на передовой и попал в ловушку. По словам Двойнова, из-за ураганного огня противника раненого генерала не удалось вовремя вытащить с поля боя, в результате он умер от потери крови и обморожения.

В стенограммах Комиссии по истории Великой Отечественной войны встречается еще одна версия гибели Доватора, озвученная скульптором Н.П. Гавриловым, который зимой 1941 г. находился в расположении штаба К.К. Рокоссовского. По слухам, которые ходили в войсках, кто-то якобы

⁶ <http://podvignaroda.mil.ru/?#id=10079035&tab=navDetailDocument> (дата обращения — 28.08.2015).

⁷ http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1047 (дата обращения — 28.08.2015).

⁸ Цит. по: *Осокин А., Корняков А.* Неизвестный генерал Доватор // <http://www.mk.ru/social/article/2013/02/19/814813-neizvestnyi-general-dovator.html>.

написал Доватору анонимное письмо, обвинив его в трусости. Это вывело из себя самолюбивого командира, который, чтобы доказать обратное, стал вести себя неосторожно, бравировал смелостью на передовой⁹.

Стенограмма беседы с Двойновым в сокращенном виде публиковалась в журнале «Исторический архив» (2015. № 2. С. 48—61) под названием «В период преследования противника от Москвы дело шло у нас особенно успешно»: Стенограмма воспоминаний полковника Ф.Е. Двойнова о генерале-майоре Л.М. Доваторе». В данной публикации беседа с Двойновым впервые представлена полностью.

Стенограмма беседы с полковником Ф.Е. Двойновым

[л. 1 / с. 1]

КОМИССИЯ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ХРОНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СТЕНОГРАММА

беседы с тов[арищем] ДВОЙНОВЫМ Федором Евгеньевичем

Беседу проводит зав[едующий]
воен[ным] отделом
СИДОРОВ А.Л.¹¹

Записывает Шамшина А.И.²
Вост[очная] Пруссия.
гор[од] Кенигсберг¹².
25 июля 1945 г.

Подполковник.
Начальник оргинструкторского отделения
политотдела 11-й гв[ардейской] армии¹³.
1909 г. рождения. Член партии с 1930 г.
В комсомоле с 1926 г.
Общее образование среднее; военное — не
окончил военно-политическую академию
им. Ленина¹⁴ в 1941 г.
Награды: Орден Красного знамени, орден
Красной звезды, орден Отечественной войны
1-й и 2-й степени. Медаль «За оборону Мо-
сквы», медаль «За боевые заслуги».

ДОВАТОРА я знаю еще по Забайкалью с 1936—38 гг.¹⁴ В Забайкалье он служил в эти годы политруком кавалерийского эскадрона 22-й кав[алерийской]

⁹ Лотарева Д.Д., Тихонов В.В. Собеседник Рокоссовского. Скульптор Николай Гаврилов на фронте под Москвой (зима-весна 1942 года) // Родина. 2014. № 12. С. 29.

¹⁰ Шамшина Анастасия Ивановна — лучшая стенографистка Комиссии Минца, работала также в редакции «История Гражданской войны в СССР».

¹¹ Кенигсберг (в настоящее время Калининград) — в период войны город в Восточной Пруссии.

¹² 11-я гвардейская армия преобразована 16 апреля 1943 г. из 16-й армии. В составе Западного, с 30 июня 1943 г. Брянского фронта принимала участие в Орловской и Брянской операциях 1943 г. В составе 3-го Белорусского фронта сражалась в Белорусской, Гумбинненской и Восточно-Прусской операциях. Командующие — И.Х. Баграмян, А.С. Ксенофонтов, К.Н. Галицкий. Участвовала в штурме Кенигсберга, где и закончила войну.

¹³ Военно-политическая академия им. В.И. Ленина — высшее военное учебное заведение, основанное в 1919 г.

¹⁴ С весны 1931 г. до весны 1936 г. Л.М. Доватор служил в Забайкалье сначала политруком 1-го кавалерийского полка 1-й Колхозной кавалерийской дивизии, затем комиссаром отдельного

дивизии. Что о нем сказать можно за этот период? Доватора мы знали, как хорошего политрука и хорошего строевика. Всегда мы его видели на конных соревнованиях. Был он очень лихим конником. На соревнованиях часто брал первое место, призы. Вот очень коротко о том, что я знаю о нем до войны. В близких отношениях я с ним тогда не был.

На войне я с ним впервые встретился 15 сентября 1941 года, когда он командовал кавалерийской группой в составе двух дивизий, 53-й и 54-й. В 1936 г. или 1937 г., имея склонность к строевой работе, он попал в академию им. Фрунзе¹⁵ на учебу. Год или два он проучился в этой академии. Окончить ее не удалось. Его направили в Испанию¹⁶. Там он принимал участие в боевых действиях в качестве командира, но какого подразделения, я сейчас затрудняюсь сказать, там он был награжден орденом Красного Знамени и по окончании войны прибыл в Москву. В Москве был назначен командиром особого кавалерийского полка при наркомате обороны. С началом Отечественной войны, когда начали формировать кавалерийские группы, его назначили командиром кавалерийской группы [в составе нескольких кавдивизий]. Это очень большое выдвижение было для него, и ТИМОШЕНКО¹⁷, по-моему, перед ним поставил одну из ответственных задач — это действия кавалерийской группы по тылам противника. Эту задачу он начал выполнять.

[л. 1 об / с. 2] Встретился я с ним 15 сентября [1941 г.]. В начале сентября они только вышли из первого рейда по тылам противника. Было это в районе города Белого¹⁸, под дер[евней] Харламира 1-я на реке Межа¹⁹. Я получил назначение командира штаба 53-й кавалерийской дивизии²⁰, причем как раз в то время, когда они только вышли из боев и готовились к очередному рейду по тылам противника.

В какой обстановке я застал самого Доватора? Подъехал к дер[евне] Харламира. Там все было разбито. Расположена она была в лесу. Часа два затратил на то, чтобы их разыскать. Еду по лесу, смотрю, Доватор на вороной своей любимой кобылице, он был полковником, но ему уже присвоили звание генерала, он еще не переделся, верхом с ним было несколько человек: начальник штаба и два или три командира штабных. Вся оперативную работу он вместе с начальником штаба проводил. Начальником штаба у него был подполковник КАРТАВЕНКО.

разведывательного эскадрона и командиром отдельного разведывательного батальона 93-й стрелковой дивизии.

¹⁵ Военная академия им. М.В. Фрунзе — высшее военное учебное заведение для подготовки старшего состава РККА, основана в 1918 г.

¹⁶ Речь идет о Гражданской войне в Испании 1936—1939 гг., в которой на стороне республиканской армии в боевых действиях принимали участие советские военные.

¹⁷ Тимошенко Семен Константинович (1895—1970) — маршал Советского Союза (1940), дважды Герой Советского Союза (1940, 1965). В 1940—1941 гг. — нарком обороны СССР, в 1941—1942 гг. — главнокомандующий Западным и Юго-Западным направлениями, командующий Западным, Юго-Западным, Сталинградским и Северо-Западным фронтами.

¹⁸ Город в Тверской области.

¹⁹ Приток Западной Двины, протекает в Тверской области.

²⁰ Сформирована в июле 1941 г. в Ставрополе, входила в состав кавалерийской группы Западного фронта под командованием Доватора.

Подошел к Доватору, представился.

— Когда прибыли?

Вспомнили о встречах в Забайкалье. Принял очень тепло, горячо. Беседовали, примерно, час у него. Он лично поехал со мною в 53-ю дивизию, представил там командиру дивизии, комбригу МЕЛЬНИКУ, комиссару ОВЧИННИКОВУ, начальнику штаба РОДИЕВСКОМУ и сразу, не дав привести себя в порядок, посадил на командирское совещание, которое проходило в школе этой деревни Харламира. В школе собрался офицерский состав всего корпуса Доватора. Выступил на этом совещании, подвел итоги боев первого рейда, поставил задачу Доватор. Затем, поставил задачу привести в порядок конский состав, обмундирование, готовить личный состав к [новому] рейду в тыл противника.

Совещание это проходило несколько необычно. Был организован там ужин соответствующий, и он в такой товарищеской среде подвел итоги. Во-первых, вспоминали погибших за этот рейд. Затем призывал к тому, чтобы не успокаиваться тем, чего они достигли, не зазнаваться тем, что о доваторцах идет хорошая слава, это является вредным.

Вечер прошел очень хорошо. Все были довольны, разошлись по своим местам и стали готовиться к очередному рейду по тылам противника. Шла боевая учеба кавалеристов, приходило пополнение. Группа пополнялась личным составом, вооружением.

Когда стояли в лесах в Харламихе, из-под Смоленска, Борисова, из-под других мест шли большие отряды партизан и оставшиеся в окружении войска²¹. Доватор очень часто принимал этих людей и многих из боевых партизанских отрядов и выходивших из окружения оставлял у себя, отбирал наиболее боевой состав и самостоятельно оставлял на доукомплектование кавалерийских дивизий.

К концу сентября [1941 г.] дивизии были у нас доукомплектованы и были готовы вновь идти в рейд. 2 дивизии было, боевых сабель, примерно, 6—7 тысяч. Подготовились идти в [л. 2 / с. 3] рейд вновь. Обстановка сложилась так, что перед нами этой задачи не поставили, потому что противник вел наступательные бои и нам не представилось возможности пойти в рейд. Поэтому действия в это время, в сентябре, велись мелкими группами. Направляли мы в основном по 2 эскадрона в тыл противника, там совершали налеты на отдельные населенные пункты, занятые немецкими гарнизонами, на обозы и, главным образом, на поборников, которые ездили по деревням, отбирали продовольствие и проч[ее]. Этим группам особенно доставалось. Затем, делали засады.

С этими засадами, между прочим, в лесу очень интересная картина была. Когда кавалерия соберется в темном лесу, ничего не видно, дорога проходит, и по этой дороге в нескольких местах идет целая колонна немцев, а наши конники стоят на десяток метров от них и по существу сделать ничего не могут, потому что идет такая масса. Если они обнаружат себя, то погибнут. Поэто-

²¹ 10 июля — 10 сентября 1941 г. прошло крупное Смоленское сражение, которое задержало немецкое наступление на Москву и способствовало срыву блицкрига.

му лошадей привязали, чтобы не было бряцанья, тщательно маскировались, когда шли большой колонной. Но когда идет небольшая группа [немцев], их немедленно истребляли.

Вот такие действия вели главным образом в период пребывания в этом районе Харламихи на реке Меже.

Что можно сказать о Доваторе в этот период? Доватор очень серьезно поднимал вопрос в это время о разведке. Лично направляет эскадрон или взвод в тыл противника и сам, будучи командиром этой группы, ставил задачу и очень требователен был в вопросах выполнения задачи.

Интересен был такой эпизод один. Не помню сейчас фамилии командира эскадрона, которому он поставил боевую задачу произвести разведку в одном месте, есть ли там противник, численность его. Командир эскадрона приступил к выполнению задачи и в процессе выполнения струсил. Один взвод дошел до места расположения противника, сделал разведку, а самого командира эскадрона потеряли в лесу. Взвод этот прибыл, а сам командир эскадрона с двумя взводами прибыл на два дня позднее с докладом Доватору. Когда вернулся сам командир эскадрона с докладом, обстановка была такая — проводили мы конный праздник, соревнование. После этого конного праздника Доватор собрал офицерский состав, был очень хорошо расположен, настроение у него было хорошее. Артисты были из Москвы, в общем, хороший офицерский вечер проводили. Утром собирает офицерский состав корпуса, поднимает корпус по тревоге, выводит из того места, где мы располагались, подъезжает к офицерскому составу и в первую очередь поставил вопрос об этом командире, потребовал, чтобы его расстреляли за невыполнение задачи, и это решение было выполнено. Таких фактов там несколько было, потому что связи мы ни с кем не имели. Поэтому всякое решение он принимал лично и о наградах, и о взысканиях, и прочих вещах.

[л. 2 об / с. 4] От реки Межа в начале октября [1941 г.], когда противник особенно резко стал нажимать на наши войска в направлении на самый город Белый, затем Ржев, Волоколамск, Клин, была поставлена задача вести арьергардные бои, прикрывать отход всех наших частей, и вот в этот период особенно трудно было кавалерии. С одной стороны, авиация не давала возможности днем действовать коннице, с другой стороны, мы лицом к лицу стояли сами к противнику. Приходилось проявлять очень большую маневренность, откатываться на рыси на глубину нескольких километров, выбрасывать небольшие заслоны спешенных бойцов, заставляя развертываться силы противника и этим задерживать.

Единственный бой, который был принят в период этих арьергардных боев — на подступах к самому Белому. Части, которые там оборонялись, отошли, а наша группа осталась задерживать противника на реке, и затем [должна была] отходить за пехотой и танковыми частями. Немцы как раз совершили очень большой налет на гор[од]Белый, примерно до 60 самолетов бомбили, зажгли весь город, и после этой бомбежки немцы пошли колонной, буквально. Идет один батальон, за ним другой. Причем сняли форму с себя, в одних нижних рубашках, винтовки через плечо, обнаглели до потери созна-

ния, идет одна колонна за другой. Разведка у них работала плохо. Авиация не могла установить расположения конницы, а другого вида разведку они не пу- скали, потому что сопротивления особого им не оказывали.

Мы стояли около самого города Белого. Когда немцы идут такой колонной, Доватор, несмотря на то, что нам могла грозить серьезная опасность, когда эта группа кавалерийская вонзилась в бой, он отвел один кавалерийский диви- зион в лес на 150—200 метров к дороге, по которой шла колонна немцев. Ча- сов в 19 или 18, когда танковые силы немцев пошли вперед, расположились в самом гор[оде] Белом, — шла высадка этих немецких войск, двух батальонов в таком же порядке. Он пустил 53-ю кавалерийскую дивизию в конную ата- ку. Это единственная атака за все время войны, которую я лично видел. Про- центов 80 людей, которые шли в этих батальонах, — численность [немецкого] батальона 200—300 человек, — было буквально уничтожено, перерублено и передавлено конями, потому что атака была внезапной, молниеносной и рас- стояние до движения этой колонны насчитывало буквально 100—150 метров.

Избрал он атаку перед вечером специально для того, чтобы после этого нас уже отвести, обе кавалерийские дивизии, обойти гор[од] Белый и выходить к сво- им частям с таким расчетом, чтобы противник не мог развернуть главные силы.

[л. 3 / с. 5] После гор[ода] Белого до Ржева, затем Клина мы вели такие арьбергاردные бои. В них ничего достопримечательного не было.

Под гор[одом] Калинином, когда противник его уже занимал и прорывал- ся по шоссе на Москву, Доватор решил вывести в бой еще раз свой корпус и остановить движение противника. Это было решение очень смелое, но оно по существу не окончилось успехом, потому что нельзя было такую лавину нем- цев остановить. Поэтому пришлось только принять отдельные бои и продол- жать дальше отход до станции Касня — это между Калининым и Москвой.

На станции Касня мы получили приказ. Как раз наступал такой перелом- ный период, когда немцы уже подходили к Москве. Создавались новые удар- ные части для отражения наступления декабрьского. Мы получили приказ о создании из нашей кавалерийской группы кавалерийского корпуса. В состав корпуса вошла еще 20-я горно-кавалерийская дивизия²². Таким образом, был сформирован корпус кавалерийский в составе уже трех дивизий, и Доватор стал командовать этим кавалерийским корпусом.

Во время генерального наступления нашей Красной Армии мы начали насту- пательные бои вместе с частями Красной Армии от Москвы. Направление наше было на Волоколамск, и затем задача стояла дальнейшего движения на запад. Мы ни с какой армией не [взаимо]действовали, ходили самостоятельно и в со- став ни одной армии не входили. Одно время, правда, входили мы в состав ар- мии Рокоссовского, 16-й, в частности, когда начались бои под Волоколамском.

²² Сформирована в 1920 г. как 7-я Туркестанская бригада. В 1940 г. переименована в Таджик- скую горно-кавалерийскую Краснознаменную дивизию. Принимала участие в битве под Мо- сквой. 1 декабря 1941 г. дивизия вошла в состав 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майора Л.М. Доватора.

Во время боев за Волоколамск интересные события были. Волоколамск уже прошли, мы попали случайно в 20-ю армию²³ ВЛАСОВА²⁴. Когда мы находились там, ставилась задача сплошного истребления кавалерийского корпуса.

Он вывел нас на передний край в непосредственное соприкосновение с противником и отдал приказ ни шагу не отступать, коноводам держать [лошадей] при себе. Там тысячи конных стояли в лесу, и [по ним неприятелем] велся бешеный пулеметный огонь.

Наши попытки отвести коноводов [ни к чему не привели], ничего не принималось в расчет. Потом уже личное решение Доватора было, независимо от приказа командарма. Коноводов отвели и некоторую часть спасли от удара. А когда вошли в состав 16-й армии²⁵, Рокоссовский сам бывший кавалерист, он увидел, что корпус находится в таком состоянии, дал несколько дней передышки для приведения в порядок и потом уже поставил очередную задачу на преследование противника.

В период преследования противника от Москвы у нас дело шло особенно успешно. Конница здесь получила возможность полностью развернуть свои силы. Противник отступал очень поспешно. Пехота его, бесспорно, не в силах была догнать. Поэтому главная задача преследования противника была возложена на нас и нам придали специаль[л. 3 об / с. 6]ный лыжный батальон рабочих-горьковчан. Там была преимущественно молодежь. Прибыли в полном составе, в новом обмундировании, исключительно подготовлены. Горьковских было два батальона. Один командир батальона был чудный парень. Потом он стал Героем Советского Союза и в бою погиб.

Характерно поведение Доватора в этих наступательных боях, когда мы уже преследовали противника. Во-первых, его везде и всюду можно было видеть сияющим. Ясно, когда шли к Москве, настроение у него было иное. Когда шло это преследование, перемалывание противника, Доватор сам лично, — белый конь у него был уже в это время, — на белом коне его везде и всюду можно было видеть. Идет колонна, смотришь, Доватор один стоит со своим ординарцем без всякого штаба, управляет.

Бои вели по преследованию противника преимущественно ночные, потому что день мы за ним гонимся, они от нас удирают, и днем, как правило, боя не навязывалось. Но ночью, когда пехотные части немцев теряют силы, располагаются в населенном пункте, здесь Доватор дает приказ напрячь по-

²³ 20-я армия в составе войск Западного фронта с 6 по 25 декабря 1941 г. принимала участие в Клинско-Солнечногорской наступательной операции. С 30 ноября 1941 г. по 8 марта 1942 г. ею командовал генерал А.А. Власов, в дальнейшем перешедший на службу к гитлеровцам и ставший символом предательства.

²⁴ *Власов Андрей Андреевич* (1901—1946) — генерал-лейтенант. Командовал 2-й ударной армией Волховского фронта, попавшей в «котел». Оказавшись в плену, пошел на сотрудничество с фашистами, под их руководством создал «Русскую освободительную армию». После окончания войны был приговорен к высшей мере наказания.

²⁵ 16-я армия в середине июля 1941 г. вошла в состав Западного фронта. Участвовала в Смоленском сражении, Битве под Москвой.

следние силы и чтобы ночь была наша. Ночью обязательно делается налет на населенный пункт, в котором располагаются немцы. Ночные налеты были особенно удачны и, как правило, после все немцы, которые располагались в этом населенном пункте, истреблялись. У конников особенно была развита ненависть к немцам.

Интересен был один такой факт, когда я встретил двух красноармейцев, которые буквально дрались между собой. Причем один со слезами на глазах подходит, жалуется.

— Товарищ командир, вот такая вещь...

— В чем дело?

— Да как же, то были случаи, когда наши бойцы оставались на поле боя, мы их не могли вынести, а сейчас этот красноармеец едет на повозке и везет с собой немца в медсанбат.

Этого немца он, конечно, пристрелил, а с красноармейцем организовал бой один на один.

Кто непосредственно принимал участие в боях, тот особенную ненависть имел к немцам.

Бой мы вели, как правило, ночью. Днем почти все войска наши были свернуты в колонну и двигались на запад. Когда отдыхали, трудно сказать. В населенных пунктах никогда не ночевали. Отдыхали все время в лесу. Переспят пару часов под кустами, под елкой и все. У нас блиндажей никогда не было.

Доватор очень уважал начальника штаба 53-й дивизии — тогда он был майором — РАДЗИЕВСКИЙ Алексей Иванович²⁶. Это очень боевой кавалерист и грамотный, окончивший академию Фрунзе и академию генерального штаба. Доватор всегда, во-первых, ставил в пример этого командира, во-вторых, советовался даже с ним по целому ряду [л. 4 / с. 7] тактических вопросов и, в-третьих, уважал его за личный героизм, за храбрость. Радзиевского никогда в штабе не поймашь. Как только завязался бой, так он или за станковым пулеметом, или так ведет бой. Был случай, когда он лично поджег мельницу, которая занималась немцами. За личный героизм, за знание дела и за веселое поведение, — в быту он очень был хорошим человеком, — Доватор имел к нему личные симпатии и впоследствии взял его к себе в корпус, в штаб. Как раз при гибели Доватора он работал начальником штаба корпуса. В последних боях за Берлин Радзиевский командовал танковым корпусом. Когда пришел КРЮКОВ²⁷ после Доватора, с ним он не сработался. Он [Крюков] говорил, что «дух Доватора вышибу из этого корпуса». Ему не нравилось, что этот корпус создан Доватором и вся слава, которая шла об этом корпусе, была связана с Довато-

²⁶ *Радзиевский Алексей Иванович* (1911—1979) — советский военачальник, Герой Советского Союза. Войну начал майором, в 1943 г. — генерал-майор. Принимал участие в Битве под Москвой. С декабря 1941 г. — начальник штаба 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, с июля 1942 г. — начальник штаба 1-го гвардейского кавалерийского корпуса.

²⁷ *Крюков Владимир Викторович* (1897—1959) — генерал-лейтенант, Герой Советского Союза (1945). Командир 2-го гвардейского кавалерийского корпуса с марта 1942 г. по декабрь 1945 г. С 1942 г. — муж легендарной советской певицы Лидии Руслановой.

ром. Радзиевский ушел начальником штаба 1-го кавалерийского корпуса. Последний раз я с ним встречался в 1943 году. Он перешел начальником штаба танкового корпуса, а затем начал им командовать. В танковом корпусе принимал участие в боях за Берлин под руководством ЖУКОВА²⁸.

Радзиевский вырос от майора до генерал-лейтенанта за это время. Недаром его Доватор крепко уважал и видел в нем военный талант.

Затем, Доватор уважал командира дивизии 53-й, генерал-майора МЕЛЬНИКА²⁹. Мельник в прошлом преподаватель тактики военной академии, затем был начальником штаба Отдельной Дальневосточной армии, тоже самое был очень подготовленный и грамотный человек, хороший кавалерист, во время гражданской войны еще командовал эскадронами; затем полком. Причем у них было некоторое единство с Доватором, вернее, противоположность. Доватор был горяч в решении вопросов. Поэтому, когда он желает принять какое-нибудь решение, советуется с Мельником, а тот пока все не обдумает, все не взвесит, может быть, проявит некоторую медлительность, но решения прежде времени не примет. И Доватор сочетал свою практику с умом Мельника, поэтому хорошо к нему относился, дружил. Любил очень политруков, как сам бывший политрук, на них возлагал очень большие надежды. В частности, очень хорошо относился к комиссару дивизии ОВЧИННИКОВУ Алексею Ивановичу. Это тоже бывший разведчик в довоенное время, пограничник, очень хорошо знал военное дело и прекрасно ориентировался в лесной местности. В целом Доватор любил всех героев.

Мы большинство времени проводили в лесу, и Доватор, несмотря на такое высокое положение, в котором он находился, обычно тоже располагался в шалаше, который мы строили из елок. Свиты у него особой не было, был этот ординарец, с которым он с начала до конца своей жизни не расставался. Вел себя очень просто тогда, когда это не было связано с непосредственным выполнением боевой задачи. Приходили к нему офицеры с докладами, с [л. 4 об / с. 8] информацией какой-нибудь. Если этот доклад информация его удовлетворяли, никто не уходил от него обиженным.

Он принимает очень радушно. Если неправильно ему что-нибудь докладывают, делает соответствующее замечание. По-моему, он не курил, водки пил очень мало в отличие от всех остальных командиров и сдерживал офицерский состав, когда идет какой-нибудь банкет или вечер.

Он всегда приводил такой пример:

— Вот, был я за границей, там очень часто принимал участие в банкетах, произносил тосты, все время пил, но никогда пьяным не был.

²⁸ Имеется в виду маршал Г.К. Жуков (1896—1974).

²⁹ Мельник Кондрат Семенович (1900—1971) — советский военачальник, генерал-лейтенант (1943). Участник Гражданской войны. С начала Великой Отечественной войны командовал 53-й кавалерийской дивизией, в октябре 1941 г. преобразованной в 4-ю гвардейскую. В сентябре 1941 г. в составе группы Доватора 53-я кавдивизия совершила двухнедельный рейд по тылам противника.

Любил очень артистов, которые приезжали на фронт, в частности ЛЕПЕШИНСКАЯ³⁰ была у нас, РУСЛАНОВА³¹ с бригадой. Он отдавал все на то, чтобы встретить их хорошо. Приедет в дивизию. У нас начальником политотдела БАТЬКОВ был. Он не особенно занимался ими. Он идет к начальнику штаба и говорит:

— Артистами вы лично займитесь, организуйте питание, разместите так, чтобы это было хорошо.

Тактика руководства у него и его начальника штаба — это живая связь с командирами дивизий и непосредственно с войсками, особенно в первый период боев, когда был он, начальник штаба и два офицера. Радио у нас не было, связь «наполеоновская» — через наших конных от одной дивизии к другой. Войска держались, как правило, в кулаке, не разбрасывались. В процессе боя у него была связь живая, личное общение с командирами дивизий, с начальниками штабов и личные выезды вплоть до полков, до подразделений.

В одном бою после Волоколамска, когда мы вели арьергардные бои, отступали, Доватор задумал ночной бой организовать. Пустил дивизию и сам лично в составе подразделения пошел. Когда сделали ночной налет на деревню, он встал за сараем, собрал некоторых бойцов вокруг себя, чтобы мощное «ура» кричали, нагоняли страх на немцев. Поставил несколько станковых пулеметов рядом, открыл огонь по населенному пункту и — «ура!» чтобы привлечь немцев в этом направлении. А дивизия была пущена в круговой обход истреблять гарнизон. Ночная операция была очень удачной, в то время, как наши части непрерывно отходили. И мы в то время бежали, однако, он задерживался на отдельных рубежах и сам лично принимал участие в этих боевых действиях.

Последнее, самое тяжелое — это гибель его. Получилась такая картина, что когда мы преследовали противника днем, обычно шли свернутой колонной все три дивизии параллельно одна другой. Доватор шел с дивизией, которая была в центре, 20-й дивизией, которая вновь вошла в состав нашего корпуса. Он шел как раз с ней по [л. 5 / с. 9] тому что он на эту дивизию меньше надеялся. Те дивизии он знал, с ними прошел уже большой путь, а к этой относился с некоторым недоверием. Он в большинстве случаев ходил с 20-й дивизией, когда совершал этот колонный марш, чтобы знать, как поведет себя эта дивизия в случае внезапной встречи с противником. В частности, и в тот день, когда он погиб, он двигался с 20-й дивизией. Причем обстановка была такая, что немцы удирали непрерывно, сопротивления не оказывали по существу, и он, увлекшись этими успехами, допустил некоторую беспечность и погрешность, с одной стороны, а потом другое обстоятельство на него повлияло.

Когда начался бой, он чувствовал себя очень хорошо. Идут войска вперед, преследуют противника, уничтожают, налеты делают. В общем, в приподнятом состоянии был. Потом нам поставили задачу прорвать оборону немцев и

³⁰ *Лепешинская Ольга Васильевна* (1916—2008) — балерина, народная артистка СССР (1951), лауреат четырех Сталинских премий (1941, 1946, 1947, 1950).

³¹ *Русланова Лидия Андреевна* (1900—1973) — советская певица, заслуженная артистка РСФСР (1942). В годы войны много выступала с концертами на фронте.

уйти [немцам] в тыл. ЖУКОВ³² поставил задачу. Мы один бой приняли, ничего не выходит. Второй бой приняли, 30—40% [личного состава] потеряли. Пустили туда 64-ю морскую бригаду, очень много потерь, прорыв не совершился. Это было на Волоколамском [направлении].

Жуков вызвал Доватора и очень крепко отругал его за то, что задача по существу не была выполнена, в прорыв не вошли, рейд по тылам противника не совершен. Доватор чувствовал, что возможностей реальных для выполнения этой задачи не было, был очень взволнован после приема Жукова и потом в большинстве случаев его можно было видеть впереди войск. Он хотел во что бы то ни стало быстрее продвинуться на запад и при удобном моменте пройти через войска противника, уйти в рейд. Вероятно, под этим впечатлением он сам лично находился всегда впереди, — вел войска, чтобы ему не потерпеть еще неприятностей. Он очень самолюбивый человек, не любил, когда ему делают замечания, когда его не считают правым. Это обстоятельство повлияло на то, что Доватор был впереди войск и вел себя несколько неправильно.

В тот день, когда он погиб, я был с 20-й дивизией. Штаб вперед вышел колонной. Потом подходят к одному населенному пункту. Перед самым населенным пунктом протекала небольшая река, за ней небольшой лесок. От леса до деревни метров 200—300 было. Идет лесная дорожка.

Она выходила на чистое поле.

Когда они с дивизией подошли к речке, начали ее форсировать, Доватор выскочил вперед с группой комендантского взвода 20-й дивизии, командир дивизии, комиссар, он и свита с ним. Выскочил за опушку леса. В деревне начинается движение, бегают немцы из одного дома в другой. Видят, что, очевидно, здесь задержалась большая группа, которая перетрусила. Он видит, что немцы начинают бегать из одного дома в другой. Причем там какое-то смятение, он решил в конном строю ворваться с этой группой комендантского взвода и выгнать всех, что [л. 5 об / с. 10] были в деревне. Почему он принял такое решение, не знаю. Только он подал команду: «За мной в атаку, марш-марш!», отсюда раздались выстрелы. Он спешил всех, маузер в руки и вперед пошел. Там осталось метров 150 до населенного пункта. Оказывается, немцы сделали засаду в крайнем доме этой деревни, которая была на опушке леса, поставили несколько пулеметов, автоматчики, и когда эта группа спешила, стала наступать на населенный пункт, они открыли ураганный огонь из всех видов оружия.

Когда Доватор вышел между опушкой леса и деревней, три сосны стояли отдельно, очередь из автомата. Он получил одно ранение, упал, затем адъютант его, несколько бойцов, вместе с ним которые были, командир дивизии был, комиссар дивизии были тяжело ранены. Дальнейшее продвижение приостановилось.

Узнаем, что там есть такие силы, а у нас артиллерии нет. Часть минометов была, но их нужно развернуть, привести войска в боевой порядок. Разведчики наши 4-й гвардейской дивизии приезжают с извещением о том, что Доватор

³² Имеется в виду Г.К. Жуков.

погиб. Сообщают командиру дивизии, комиссару, мне и начальнику политотдела. Никому из бойцов мы ничего не говорили, потому что если сообщить им, настроение в войсках быстро изменится.

Через некоторое время сообщают, что Доватор ранен и тело его находится под ураганным огнем, необходимо организовать вынос тела, это возлагается на 4-ю гвардейскую дивизию. Я поехал туда с начальником штаба подполковником АРИСТОВЫМ. Мельник приказал нам возглавить группу, которая должна обеспечить вынос тела Доватора.

Подъехали к этой опушке леса. Туда уже прибыли люди из 3-й дивизии, и выносом тела Доватора лично руководил Радзиевский. Стали организовывать группы по 10—15 человек, чтобы они доползли до трупа и вынесли его. Открываем минометный огонь, но минометы у нас были такие, что по существу на противника никакого воздействия не могли оказывать. Никто не мог добраться до этих трех сосен, настолько они были пристреляны.

В общей сложности у нас там погибло около 60 человек убитыми и тяжелоранеными. Последнюю группу мы организовали, я дал своего адъютанта, старшего лейтенанта ИВАННИКОВА. Он метров 30 не дополз до Доватора, смотрим, перевернулся несколько раз, 4 ранения получил. Эта операция не удалась. Потом действия отдельных мелких групп продолжались, пока не наступила темнота.

С наступлением темноты Радзиевский принял решение развернуть все три дивизии, принять боевой порядок, пройти лесами, окружить этот населенный пункт и сделать ночную атаку. С наступлением темноты открыли огонь из минометов, пулеметов по опушке леса.

Когда немцы слышали стрельбу по ним, они начали из этих домов перебираться. Тут уже представилась возможность пробраться к Доватору. Вытащили его. Собрались врачи, начали слушать, говорят, что есть признаки жизни [л. 6 / с. 11]ни. Начали принимать меры медпомощи, ничего не получилось. Оказывается, он имел не смертельную рану, но истек кровью и замерз.

Труп Доватора направили в один из населенных пунктов, а корпус пустили в бой. Развернулась отчаянная атака.

Когда ввели в бой все три дивизии, оказалось, что в этом населенном пункте был полный состав немецкого батальона с артиллерией, минометами и до 800 штыков, на который он [Доватор] хотел идти с этим комендантским взводом.

Ночная атака прошла удачно и за исключением незначительной части немцев, которые могли пробраться только по лесам одиночкой, они ушли, остальные все были истреблены в этом населенном пункте.

Звание Героя Советского Союза Доватору было присвоено посмертно. Он погиб, по-моему, 19 января 1942 г., а 22-го³³ ему присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

³³ На самом деле звание Героя Советского Союза было присвоено Л.М. Доватору 21 декабря 1941 г. Описанный в рассказе последний бой Доватора состоялся, таким образом, накануне.

Он лично наградил меня орденом Красной Звезды однажды. Создалась такая обстановка в этом же районе Волоколамска во время преследования противника, что мы пустили 4-ю гвардейскую дивизию на один населенный пункт. Причем взять его побоялись с хода, а начали организовывать разведку и затем круговой обход по лесам. Я ехал во главе колонны с начальником штаба Аристовым, начальником политотдела Батьковым и несколькими штабными офицерами. Затем штаб остановился на опушке леса, и сами выскочили вперед, посмотреть, что делается в этом населенном пункте. Только стали смотреть в бинокль, налетает 6 самолетов противника, и обнаружили нас. Если мы пойдем в лес, наведем эти самолеты к штабу, штаб будет уничтожен. Если ехать в населенный пункт, мы не знаем, что там делается, есть ли там противник или нет. Но обстановка не ждет, надо решать, и мы решили проскочить на 200 метров до населенного пункта. Поскольку оттуда огня нет, немцев, очевидно, там нет.

У меня был очень хороший конь Казбек. Я поехал вперед, за мною начальник политотдела. Начальник штаба при первом выстреле с коня упал в снег, замаскироваться, а я каким-то образом оказался впереди войска. У первого амбара остановился. За мною едет начальник политотдела Батьков, он повернул коня с дороги вправо, а там был глубокий снег. Конь по снегу бежит. Потом «Юнкерс» пикирует, очередь, конь падает в одну сторону, Батьков в другую. Я стою, думаю: погигли, но выйти самому невозможно. Если я побегу в амбар, заметят меня. Я коня замаскировал под крышей, сам встал под дверь. Потом самолет скрылся. Я подбегаю к Батькову. Оказывается, он был ранен в правую ногу, а лошади в сердце прямо попало. Я вытащил его, втащил в деревню, не зная что там есть. В крайний дом захожу, никого нет. Положил его, дал из фляжки водки. Он говорит:

[6 об. / с. 12] — Замерзаю, помоги, чем угодно.

Я говорю:

— Только личный полушубок могу снять с себя.

Своим полушубком одел его, сам остался в одной гимнастерке. Вышел к амбару, смотрю, мчится конь Аристова, коноводов, в общем, коней 8. Прибежали ко мне. Я думаю: если в этом населенном пункте есть немцы, что дальше делать. Кони начинают бродить здесь, демаскируют. Ехать к своим, выедешь из населенного пункта, по дороге немцы заметят, хуже будет. Тогда я принял такое решение. Зная о том, что немцы боятся доваторцев, думаю, пушу этих лошадей самостоятельно. Сел верхом. Лошади когда сгруппировались, крикнул «ура!». А кавалерийская лошадь, когда кричишь «ура», только вперед. Рванулись вперед.

Там было немцев 15. Видят, что мчатся кони, бегут через речку и в другой населенный пункт.

Я чувствую, что лошади могут убежать куда-нибудь, сел на своего Казбека догонять. Перед самой окраиной деревни догнал лошадей. Они опять вокруг меня. Смотрю, выходят местные жители, опрашиваю:

— Немцы есть?

Говорят:

— Вот последняя группа человек 15 пошла к речке и собираются в противоположный населенный пункт.

Я говорю:

— Лошадей соберите и в сарай.

Лошадей собрали, я у них остался. Тут встреча такая со слезами, самовар поставили. Только сели пить чай, идет Аристов. Батьков остался в доме, спрашивают:

— Ну, как?

Я говорю:

— Ничего.

Аристов говорит:

— Целую дивизию развернули, а ты один деревню взял.

Потом Доватор приехал, спрашивает, как в деревне.

Мы говорим.

— Как же так, мы дивизию сюда развернули, а ты как сюда попал?

Я говорю:

— Вот, один, Лев Михайлович, взял.

— Как так?

— Да вот так, что сам живым остался и деревню взял.

Он говорит:

— Немедленно писать во фронт, наградить орденом Красной Звезды.

Доватор говорил, что предки его были французами, которые остались после отечественной войны 1812 года в Белоруссии. Он себя считал белоруссом французского происхождения, как он выражался. Французского языка он не знал. Евреем он никак не мог быть, ничего в нем похожего даже не было.

[л. 7 / с. 13] Гвардейское звание корпусу было присвоено еще при Доваторе в период арьергардных боев, 14 ноября [1941 г.], при первом присвоении гвардейских званий. Как раз беловский корпус получил гвардейское звание и наш, Белов первым, а наш вторым. Товарищ Сталин знал о действиях конницы по тылам противника, заслуги этого корпуса. Причем только две дивизии у них были гвардейские, 4-я и 3-я, а 20-й, которая к нам вошла, вследствие того, что она не была в рейде, только прибыла, ей не дали гвардейского звания. Она не была гвардейской до лета 1942 года, когда я уже выехал.

После смерти Доватора приезжала к нам его жена. Встречали мы ее. Сын приезжал. Доватора похоронили в Москве, сыну лет 14 было. Потом его очень быстро отправили оттуда, потому что народ начал его баловать. Обстановка такая: к одному приходит, к другому приходит, работать не стал. Парнишку могли разложить совершенно под видом помощи.